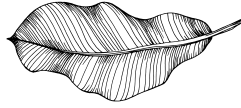

1

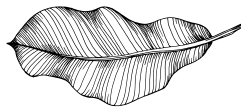
ИЗ ТЫВЫ
В ДОХУ

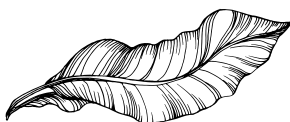

Я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И, однако же, Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен, в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил в себе символ веры, в котором всё для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной.

Из письма Ф. М. Достоевского
к Н. Д. Фонвизиной

ЛЁД ОДИНОКОЙ ПУСТЫНИ

Он читал тауба, а я Отче Наш. Предчувствие божественной кары заставляло мою челюсть танцевать твист под ритм робкого стука колотящихся зубов. Я успокоил все движения мышц и лицевой кости, поднял голову ввысь, но так и не смог отворить глаза к небесным вратам. Стыд не мог уступить покаянию, а покаяние стыду. Нижние веки потели, а язык, онемев, продолжал подтягиваться и набухать, как чешуйчатая ныряющая белчера. Я не плакал, не кричал и не думал. Хафиз уткнулся в землю растопыренными ноздрями подобно усмирённому арабскому скакуну и поцеловал жирную от прошедшего ливня почву. В надежде прощения он продолжал глядеть вниз, а я осмелился посмотреть вверх. После соблюдения всех покаятельных прелюдий Хафиз, не шевелясь и не дрыгаясь, вдруг сказал:

— Знаешь, чем мы не похожи? В моих карих глазах сгорает чёрная беспросветная земля, а в твоих голубых радужках отражается небо, с которого на тебя смотрит Бог.

Он закрыл взор сияющими от пота ладонями, которые щекотали пушистые кончики слипшихся дрожащих ресниц. Тогда мы решили добавить ещё один скрюченный скелет в шкаф нашей уже почти общей грешной жизни и запереть его на замок.

Кинолента моей судьбы весь день навязчиво и бесцеремонно мелькала передо мной. И самое интересное, что

до семи лет кадры из неё почему-то напрочь вырезаны из памяти. Объяснимый парадокс или обыкновенное чудо, беззаботное и ничем не омрачённое детство, нейрогенез или иной трудно произносимый медицинский термин. Время ползло, и я понял, что ячейки воспоминаний не заполнялись до этого возраста только лишь потому, что до семи лет у меня не было мечты. Было все, кроме неё: новомодные игрушки, которых желали все мои сверстники, разноцветный мармелад и нафталиновая старая няня. Но каждая минута моей жизни, начиная с семилетнего возраста, была сфотографирована в моем сознании и не поддавалась ни удалению, ни копированию, ни печати.

В день моего седьмого дня рождения моя семья забрала меня после школы, и мы отправились в Дубай. Тогда там не было намыленных небоскрёбов, грудасто-губастых эскортниц и ощущения хаотично движущихся денежных атомов в запыленном воздухе. Мы поехали на сафари, и я встретился с одинокой пустыней, которая поняла меня лучше родителей, школьного психолога и вечно беременной соседской пятнистой кошки. Спустя неделю мы вернулись обратно в Сибирь, и снежные дворцы стали мне противны и чужды. В то время, как моей младшей сестре мать читала «Колобка», «Репку» и другие достояния русского фольклора, я решил написать свою восточную сказку. Выучил арабский, окончил французскую гимназию и поступил на факультет международных отношений. Моя семья была против моего увлечения Востоком, ведь их пугала моя потаённая цель отпочковаться от родины, от сибирских морозов, от чая по-тувински с солью и жиром¹ и от веры в Иисуса

¹ Чай по-тувински (хан-чай) — традиционный тувинский напиток, представляющий собой горячее молоко с добавлением черного или зеленого чая, соли и топленого масла или экзотического сала (например из гиссарской курдючной овцы). — Прим. ред.

ЛЁД ОДИНОКОЙ ПУСТЫНИ

Христа. Но я засыпал с мыслями об арабских благовониях, о манкости глаз мусульманских женщин и о тёплом воздухе, который не исчезает ни вечером, ни зимой. Через несколько лет я покинул страну, которая подарила мне пористый ржаной хлеб, промозглый воздух и крепкую почву под ногами, и, легко заключив трудовой договор с Министерством иностранных дел и получив дипломатический паспорт, переехал в Катар.

Я прилетел в Доху до восхода восточной зари и поехал на пляж Фувайрит. С упованием смотря на полупрозрачную водную гладь цвета индийского топаза, я чувствовал, как вся энергия вселенской надменности обволокла меня вместе с океаном, порывисто обнимающим мои распухшие ступни. Замершая блаженная тишина красноречиво изъяснялась с моим притупленным сознанием, однако сладостное наслаждение от таявших картинок немного кино быстро выключил плавный и текучий, как воды Персидского залива, тембр.

— Жизнь измеряется не числом сделанных вдохов и выдохов, а количеством увиденных рассветов и закатов... — произнёс голос сзади.

Обернувшись, я увидел «голливудского» мусульманина, сливочные брюки которого были блёклы по сравнению с его неестественно сверкающей белой улыбкой. Мокро-синий пиджак с вельветовыми лампасами гармонировал с желтым золотом на его пастозных незагорелых руках. На нем не было ни дишдаша, той самой национальной рубахи до пола, ни куфии, закрывшей бы объёмную графичную шевелюру; он не был похож на араба, но при этом обратился к человеку с туристическим багажом и славянской внешностью на безупречном аравийском диалекте. В ступоре я молчал; мужчина сделал шаг вперёд, и я услышал от него запах можжевельника, полыни и сожженного папируса. Необоснованный страх охватил меня, вызвав

первую, как юношеская влюбленность, эмоцию на новом месте моего обитания.

— Бог ваш наведёт страх и трепет пред вами на всякую землю, на которую вы ступите, как Он говорил вам. А меня зовут Хафиз.

— Я не буду произносить слова пророка Мухаммеда. Мне достаточно моего Бога. А Ваше имя, если я не ошибаюсь, означает «знающий наизусть Коран». Пока вы не оправдали толкование вашего наречения. А я Павел, — уверенно совралось с моих уст.

Обменявшись телефонными номерами и парочкой незамысловатых дежурных фраз, мы попрощались, и я отправился в предоставленную мне в центре квартиру. В ней я оставил все вещи, выложив из чемодана лишь иконы, бережно сложенные меж смокингов и шерстяных носков, которые я по привычке к сибирским холодам ошибочно взял на службу. Выпив тройной ристретто, чтобы не уснуть после полета, я решил сразу же поехать на базар Сук Вакиф. Переходя от одной деревянной лавки к другой, я беспорядочно торговался, играл с беззубыми продавцами в нарды и поджигал коричневый жемчуг на прочность, заедая спелой африканской марулой из соседнего ларька.

Зайдя в один из магазинчиков, я нырнул в насыщенные цвета и постепенно раскрывающийся запах арабских специй. Аромат терпкого ладана, пачули, тёплой амбры, смесь пряной корицы и свежего османтуса. Под бамбуковым потолком свисала хрустальная люстра, не умеющая своим строгим изяществом отвести взгляд посетителя от переполненных до краёв арабских туесков. Расписанные сверкающим маслом тарелки, поверхность которых была бугристая, как песчаные дюны, бледнели рядом с плетёными тканевыми мешками. Они были набиты шафраном, листьями малабарского коричника, по вкусу перекликающегося с гвоз-

ЛЁД ОДИНОКОЙ ПУСТЫНИ

дикой, мускатным орехом, хранившим в своей сердцевине целое неизведанное искусство, сухоцветами, кориандром, ломтиками сушёных лимонов, присыпанных тростниковым сахаром, рисовым чаем, вонявшим горелой крупой, и даже мате из парагвайского падуба. Шестилетний филиппинский мальчик, забежавший в лавку, трогал вымазанными в жире пальцами висящие разноцветные колокольчики, которые издавали уникальные мелодии, напоминающие то ночной щебет какапо, то дуновение муссонных ветров, то бьющий по обнажённым камням водопад.

Выйдя из магазинчика вслед за ребенком, я вдруг увидел, как обворовывают похожего на передвигающееся ископаемое немца в нейлоновой серой панаме и тонком жилете с квадратными карманами по бокам. Половина лица великовозрастного франта была покрыта заразной лепрой, из-за которой в средние века беспощадно сжигали всех прокажённых. Недолго пребывая в незыблемом удивлении, я задумался, как поступить: избавить от преступника оставшиеся копейки дедушки-европейца и спасти грабителя от заразы, которую он может подхватить от престарелой жертвы, или позволить воришке выполнить свою работу, тем самым наказав и эгоистичного немца, вальяжно разгуливающего с инфекционным заболеванием по многолюдному базару, и карманника, наживающегося на стариках. Я промолчал, а затем, притаившись, сбежал от гнусной, портящей магический образ рынка картины в магазин напротив. Там продавались птицы: в левом углу можно было купить хищного сокола для местной охоты, а в правом — раскрашенного попугая-билингва, говорящего на арабском и английском языках. Казалось, будто я попал в волшебный мир, куда слетаются на взъерошенных берёзовых мётлах маги, чтобы приобрести зелье из чёрного тмина или белого филина Гарри Поттера. Решив купить себе сокола, как это было модным в Катаре, я переходил от одной

привязанной птицы к другой, будто ища похожего на себя одиночку. Мой сокол, пышногрудый и зоркий, нагло уставившись на меня, раскрыл клюв, словно прося забрать с собой навсегда. Не было сомнений, что мы были созданы друг для друга, поэтому я стал торговаться с коротконогим толстеньким продавцом, чем-то смахивающим на откормленного фастфудом американца. Он тряс янтарными чётками возле рта, будто закрывая отсутствие двух передних зубов, мешавшее ему громко и чётко изъяснять свои мысли:

— Брат, ты, наверное, думаешь, что такие лавочники на рынке, как я, простофили или невежды. Ты веришь в то, что из нас можно выудить хотя бы парочку ничтожных копеек. И ты прав. Это действительно реально, когда клиент, которого мы считаем гостем, колеблется, сомневается или же просто поддаётся уговорам извне. Но восточная торговля — это древняя психология, которой, поверь, овладели все здешние продавцы. Этот магазин перешёл по наследству мне от отца, который перенял семейное дело у деда. У нас в крови видеть насквозь тех, кто купит птицу за любые деньги. Отсутствие акцента, невзрачная внешность, начищенные до переливающегося сияния ботинки и скучный галстук синего цвета говорят о том, что ты — пресный дипломат из какого-то славянского государства. Скорее всего, только прибывший на место работы. Ты безнадежно одинок и ищешь себе не просто повод для местного хвастовства, не просто товарища по охоте, а друга. И ты знаешь, что уже его обрёл. Этот сокол необычен и горд. Он подходит тебе.

— Но не кажется ли вам, что его цена немного завышена? Я же могу выбрать кого-то подешевле.

— Боюсь, нет. Его скорость, оперение и родословная завораживают не меньше взгляда. А другого ты уже не возьмёшь, поэтому стоимость останется прежней. Но за великолепное знание языка и настойчивость я подарю тебе талисман.

ЛЁД ОДИНОКОЙ ПУСТЫНИ

Мужчина отошёл за прилавок и достал что-то похожее на большой доисторический клык. Я почувствовал запах, который прежде никогда не слышал. Он не был уникальным, но был другим.

— Этот дорогой фимиам¹ для искушённой арабской публики называется «Ногти ангела». Береги его отважнее, чем сокола. Храни дома от чужих глаз, и твоя жизнь круто изменится. Однако будь аккуратен, ведь свойства ониха способны подменить судьбу, искалечив её или облагородив.

Взяв сокола, которому пришлось от нехватки свободного места в кармане сунуть в клюв фимиам, я услышал шёпот желудка, склоняющий меня к обеду. Зайдя в ресторан, я очутился в аутентичной атмосфере Востока. Меня посадили на пол, принесли бедуинский чай, кальян с цитрусами и мясо тушёного верблюда. Дружелюбные арабы предложили мне комплимент от заведения: закуску для сокола из лягушатины и птичьей грудки. Затем я заказал табулех с булгуром и перечной мятой, макбус с тимьяном и томатами и вымоченную в сахаре вермишель с кардамоном балалет. На десерт по настоянию официанта были поданы финики, козье молоко и пончики лукаймат с йеменским мёдом из цветов зизифуса. Слегка суматошно докурив кальян, я неспешно выполз из забегаловки и заметил, что начало темнеть. Просторные мощные улицы, подсвеченные старыми потрескивающими фонарями, нежно выдворили меня к выходу, возле которого я прыгнул в такси и уехал в новый дом, чтобы, наконец, начать новую жизнь.

¹ Фимиам — благовонное вещество для курения, а также дым, поднимающийся при таком курении. — Прим. ред.

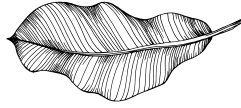

2

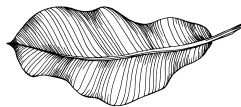
ВЕРБЛЮЖЬИ
СКАЧКИ, ИЛИ
ДЖЕТЛАГ

И сказал (Он) ученикам Своим: Посмотрите на лилии, как они растут: не трудятся, не прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них.

Евангелие от Луки 12, 27

ЛЁД ОДИНОКОЙ ПУСТЫНИ

Целый год я потратил на акклиматизацию и избавление от эффекта «джетлага». Мой организм не мог перестроиться в течение недели, как это благополучно происходит почти у всех приезжих людей. Меня тошнило каждый день, но ни одно обследование не выявило признаков какого-либо недуга. И казалось, будто бы всё внутри сопротивлялось моему обоснованию в Дохе. Родители не поздравили меня в январе с днём рождения, но и это не могло огорчить их единственного сына, ведь он жил там, где мечтал. У меня появились свои «восточные» привычки: начинать и заканчивать свой день с бедуинского карак-чая, смотреть на барракуд и каракатиц, погружаясь с аквалангом на выходных, ездить на соколиную охоту вместе с заносчивым соседом Афзалом. Моей зарплаты хватало и на дорогие рестораны, и на роскошные лимитированные вещи, и на циклично сменяющихся женщин с накачанными губами, приехавших на быстрые, но весьма «эффективные» заработки. Я вращался в круговороте денег и богатства, и это искушало меня.

Но переживать не стоит. Из-за бесконечных табу в этой стране грешные мысли превратились в непозволительную и почти забытую роскошь. Пропустить на закате дня рюмочку после истощных криков начальника на работе, как это принято у нас, в Дохе строго запрещено. Ни алкоголя,

ни других непристойных крайностей в этом месте нет. Здесь нельзя смотреть на бирюзовую океанскую гладь и янтарно-облепиховое солнце в искажённом наркотиками поролоновом цвете. В сознании я построил себе мир без приправ и усилителей вкуса, который вдруг оказался смертельно ядовитым. За прожитый год в самом богатом арабском государстве моё недоумение свыклось даже с тем, что холостяков могут обоснованно не впустить в торговые центры, а ставки или другие проявления азарта способны привести к сотне ударов плетью, согласно решению шариатского суда.

Работа вытаскивала меня из затянувшейся скуки или же нежно вгоняла в неё. В посольстве я мог храпеть в неудобном стуле из микрофибры, до ночи работать над новым проектом или же в отсутствие дел поливать японскую фатсию, тамаринд, гибискус и другие стоявшие возле кабинета пресс-атташе цветы. На приёмы нашего дипкорпуса меня, естественно, приглашали, однако с неохотой и ноткой презрения. Это не раздробляло ландшафт моей засорившейся душонки, ведь все мероприятия были поразительно похожи, словно единоутробные близнецы.

Сначала наш посол, Евгений Валерьянович, вместе с очаровательной тонкокостной супругой, которая каждый четверг пририсовывала ему рога с советником или секретарем-референтом, встречали прибывших гостей. Затем обслуживающий персонал разносил затвердевшие канапе с укропом, творожным кремом и атлантическим лососем, которые из этикета принимал каждый, но никто никогда не ел. После этого женщины отделялись от мужчин и отчаянно начинали обсуждать их вредные привычки, педантично снимая белые шелковые перчатки, чтобы поправить одинаковые, будто скопированные друг у друга, прически. Вечера проходили за закрытыми дверями, и это позволяло мне изредка чувствовать себя безбожным злорадствующим

ЛЁД ОДИНОКОЙ ПУСТЫНИ

масоном или вяленой, как дипломатический протокол, воблой с прогнившей до костей головой. В конце приема приезжие гости получали незамысловатые, однако символические подарочки в виде матрешек, раскрывающих многослойные принципы большинства переговоров на дипломатическом поприще. Меня укачивало от круговорота сплетен, лихо закрутившегося меж посольств разных государств, ведь я знал и про нетрадиционные наклонности британского посла, и про скудость ума и незнание английского языка главы представительства Украины, и даже про то, что в прошлом году накурившийся марихуаны дипкорпус соседнего государства в составе трёх высокопоставленных государственных деятелей, безудержно используя неприкосновенность, превысил допустимую скорость, сбив насмерть афганскую беженку и двух её детей восьми лет.

Я уставал от русских, подтягиваясь к чистокровным катарцам, которые в своей уникальной непохожести на граждан иных стран умели довольствоваться невинными представлениями. Фаворитом местных развлечений на протяжении многих лет являлись верблюжьи скачки, на которых я впервые оказался зрителем лишь спустя год после переезда в Доху. Я отправился на стадион в Аль-Шахании, чтобы увидеть как роботы-жокеи верхом на одногорбых самках поднимают пустынную пыль с бедуинской земли.

Охровое махровое солнце, давящее на виски, сливалось с утренним рыжим покалывающим песком. Стая породистых скакунов промелькнула лишь за один взмах ресниц арабской девушки, неприступно сидевшей возле меня. В бессмысленно-несуразных попытках заговорить с той, которая мне никогда не ответит, я забыл, что пришел на стадион ради просмотра скачек. Однако спустя пару секунд мне навязчиво напомнили о цели моего пребывания на душающей жары: